

Ильин В.В. – доктор философских наук, профессор кафедры экономической теории Киевского национального университета имени Тараса Шевченка.

СОФИЯ ИЛИ ЛОГОС? ОСТАНЕТСЯ ЛИ МУДРОСТЬ БОЖЕСТВЕННЫМ ПРИЗВАНИЕМ?

*«И оглянулся я на все дела мои, которые
сделали руки мои, и на труд, которым трудился я,
делая их: и вот, все – суета и томление духа,
и нет от них пользы под солнцем!»*
Ек., 2. 11.

В истории всегда побеждали сила и разум. Но при условии, что они не становились преградой денежным интересам, сохранению и приумножению материальных богатств. Военный гений Наполеона и его личностная харизма не смогли победить финансовое могущество его главного врага – Британской империи, опиравшееся на гарантии золотых запасов Английского банка и ресурсы своих колоний. Так вершилась вся история – только появлялось желание осуществить то или иное, казалось бы, прогрессивное, нужное действие, во имя людей, во имя высоких идеалов, но если оно затрагивало прагматические, финансовые интересы, то всегда преградой на его пути вставляли юридически аргументированные или «общественная необходимость», или «политическая», «экономическая», «идеологическая целесообразность» и прочее, сводившее задуманное на нет. Ведь как иначе можно объяснить драму, происходившую две тысячи лет назад: Сын Божий, пришедший к людям с проповедью любви, смирения, справедливости, с критикой всего старого и ненужного, становится жертвой своих же соотечественников? Его идеи равенства, «царства истины», которые должны были стать основой жизни для *нового человека*, оказались не приемлемыми ни для кого. Более сильной оказалась жажда власти, догматизм мышления, стремление сохранить приоритеты отживших, но удобных ценностей, страх, зависть и другие, далекие *от религии любви и христианской морали* качества, ставшие непреодолимым барьером перед возможностью осуществления добра, счастья, покоя.

Усилила трагедию никчемная сумма – «тридцать серебряников». Такой оказалась цена идей, которые могли спасти человечество. Возможно, именно с того времени вошла в обиход двойная мораль, суть которой: на словах защищать общечеловеческие, духовные ценности, говорить приятные вещи, а на практике, в конкретной жизни выбирать все-таки те же символические серебряники – в прямом или переносном смысле. Ведь именно с их помощью решалось множество проблем, что, в конце концов, приводило к новому качеству жизни человека и общества, далеко не всегда соответствующих высоким идеалам и заветам. Вся история культуры преисполнена разочарований и отчаяния по поводу слабости человека, не способного противостоять силе соблазна денег. Ради сытой жизни и собственной выгоды он становился жадным, коварным, жестоким, всегда оправдывая свою никчемность морально, юридически, исторически, экономически.

Но голос пробужденной совести и ощущение существования лучшего, привлекательного в своей искренности мира заставляли все же искать то *святое*, которое могло бы очистить от грязи и низости. То есть *то*, что сохранит красоту, надежду, веру, любовь, мудрость, уважение к достоинству человека. Однако, как только наступало осознание необходимости для жизни указанных духовных факторов, сразу находился тот, кто заявлял о своем праве быть их носителем, охранником, властителем с последующим правом на окончательную истину. И все начиналось сначала: власть, ее привилегии, соратники, лакеи, предатели, выгода. И всюду – деньги, деньги, деньги. Они становились атрибутом сильных, а для всех других, слабых, смиренных, законопослушного большинства, утешением оставалась уверенность в бесполезности жизни тех, кто во имя «золотого тельца» презрел «высшие ценности», и ценности своего «доброего» имени.

И в этом есть определенный смысл. Действительно, никакое телесное удовольствие не может сравниться с величием открытия своих духовных возможностей, позволяющих увидеть глубинное содержание и сокровенные смыслы бытия. Не потому ли, стремясь к познанию, человек с особым уважением относился к мыслителям, мистикам, поэтам, художникам, ученым, святым отцам, которые в своей самоотверженности высшим истинам представляли *иную жизнь*, лишённую суеты и сутолоки этого предательского, преисполненного лицемерия мира? Но подобная жизнь не для всех, и само познание постоянно находилось под контролем «властителей», «носителей» «вечных истин». В

силу чего был, в частности, демонизирован и дискредитирован мистицизм – высочайшая способность индивидуального созерцания и самопознания, не подлежащий обобщениям и не передающийся в качестве опыта другим. Знание становилось знанием лишь потому, что могло быть *полезным*. Тем самым познавательная деятельность все больше совпадала с *выгодой*. Следовательно, интеллект, разум начали измеряться не способностью открытия *сокровенного*, софийного, а тем, насколько его достижения могли быть *нужными*. Так происходил переход к прагматизму, в котором истина – это то, что выгодно. Эквивалентом выгоды оставались деньги, против всеислия которых бороться, в чем все убедились, невозможно.

Но *дух* сохраняет свою силу. Он старается спасти «непорочную» красоту классической литературы, искусства, философии. Правда, под видом защиты «духа» звучат проклятия в адрес тех, кто, например, «изменил» «материализму» и «диалектике» в пользу «прагматизма» и «синергетики», кто выбрал полифонию постмодернистского интеллектуализма вместо успокоительной многотомности издания классиков, рационализм вместо иллюзий о «добром человеке» и прочее. Забывая, что сегодня больше нужен не «добрый человек», а специалист, профессионал, причем высокого класса. Именно от него зависит способность выдерживать конкурентную борьбу, возможность быть жизнеспособным, выдерживать натиск старых и новых врагов, создавать собственные инновационные стратегии. То есть быть готовым к отпору вызовам реальности. В этом и заключается *новое духовное измерение нового бытия*.

Разного рода гуманистические проекты просветительского характера не учитывают стремительной динамики *настоящего*: ее главным результатом стал новый, или *постчеловек*. При всей привлекательности морально-этических заповедей и установок, успокоительного речитатива «духовных авторитетов» современный человек находится в ином, чем ранее, мировоззренческом измерении. К социально-культурной жизни пришло *поколение*, выбравшее *рассудок* – а не *ум*, *дух* – а не *душу*, *этику* «здравого смысла» – а не *мораль*, *конкретные деньги*, а не *абстрактные ценности*, *настоящее*, «*тут и теперь*», а не *возможное счастливое будущее*. Для этого поколения слова, не наполненные конкретным материально-прагматическим содержанием, являются пустыми и ненужными. Не размышления, думанье, а *стоимость*, а с ней деятельность и деньги, стали для него истиной и смысловой реальностью.

Но как же быть со Словом, тем самым, разумным *Словом-Логосом*? *Словом*, которое было у *Бога*, и *Бог* был им, *Словом*, и оно было у *Бога*? *Словом-Логосом*, огнем, зажигающим на подвиг, на служение идее, высшим смыслом и прочему? Неужели оно стало навсегда утраченным, а *постчеловек* (человек-делец, человек-фактор, человек-ресурс) никогда не постигнет его привлекательной, таинственной силы притяжения? Ответ простой: а оно ему, *постчеловеку*, ненужно, это *Слово-Логос*. Оно остается, но новая эпоха создала новые слова, новые приоритеты, новые ценности, и потому для постчеловека лишение его Софии и Логоса никакой трагедии не несет. Разного рода «*возрождения*», если не учитывают требований нового, становятся *вырождением*. Не только слово, но и идеи, смыслы, принципы, надежды прошлой духовной культуры подлежат герменевтическому переосмыслению, в силу чего имеют другой, не аутентичный первоначальному значению, смысл. *Все новое, а потому все иное*. Но если раньше человек мог успевать наблюдать за ходом событий, что позволяло давать им оценку, то теперь изменения настолько стремительные, что лишь бы хватило времени на их фиксацию.

Очевидно, именно поэтому наиболее совершенным мерилom действительности во всех ее проявлениях и стали деньги. Они четкие и динамические. Человек теперь не может противопоставить ускоренному развитию мира спокойное размышление, ожидать, пока жизнь изменится к лучшему, не может просто наблюдать и делать выводы. Вернее, может, но если он будет это делать, то никогда не достигнет успеха. Время сегодня тратиться на то, что приносит выгоду и пользу. Без успеха человек не сможет себя реализовать, утвердить свое «Я», останется в разряде «посредственностей». А будет ли в таком случае – утраченных возможностей – жизнь иметь смысл?

И все-таки – «по что, мой друг, слеза катится?» Ведь ясно одно: никогда никакие материальные, денежные приоритеты не станут смыслом бытия, не решат проблем человеческой экзистенции. Лишенная духовного самоосознания, цивилизация задохнется под тупым давлением мертвящей телесности. Возможно, поэтому и пророчил *Иоанн Богослов* конец мира, предчувствуя духовную смерть человека...

Неужели все так и будет? Конечно, не так. Ведь мы прикладываем к инновационным изменениям мерки *сегодняшнего дня*, которые *уже завтра будут вчерашними*. Они, эти мерки, работают, они нужны, как необходимы знания, культура, традиции, но завтра, которое наступает

сегодня, все-таки будет другим – *иные люди, иной быт, иная культура, иное сознание...* Иное... Остается только надеяться, что в рационализированном, экономизированном, «оденуженном» мире останется понимание: *все утечет, все пройдет, однако останется то зло и то добро, та глупость и та мудрость, то безобразное и то прекрасное, созданное и осуществленное нами.* Но для этого нужен человек, способный их различать – *мыслящий, понимающий.* Будет ли ему место в новом мире? Останется ли *София, Божественная Премудрость* и в дальнейшем тем откровением, без которого не может состояться «планета людей» *А. де Сент-Экзюпери* и нельзя выстроить уютный «дом бытия»? Ответ даст вечное стремление человека к творчеству.

В широком смысле творчество как то, что, по словам Платона, вызывает переход небытия в бытие, принято формально определять как внесение в мир нового, у которого не было прецедента существования или же, по словам И. Канта, для чего не существует правила создания. Таковым может быть не только предмет или произведение, но и новая интерпретация, новое прочтение известного, новое понимание прежнего, новый взгляд и т.п. Всякое движение от прежнего к какому-либо иному есть в известной степени движение к новому (другому в сравнении с бывшим). И это в самом общем случае всегда предстаёт неким изменением мира; творчество изменяет мир, делает его другим, превращает его в иное пространство бытия.

Но всякое ли изменение, произведенное в мире (даже впервые), есть проявление или результат творчества? Ведь считается, что творчеством, во-первых, может считаться лишь созидание, а не разрушение и уничтожение; во-вторых, в творчестве создается ценность, а не просто какой-либо продукт или некое изменение. Кроме того, существует выраженный социальный аспект творчества: творец, самореализуясь, создает для других, разрушитель же самоутверждается прежде всего в собственных глазах и для себя, работает на свое самолюбие, свою самооценку. Однако творчество оценивается также по факту произведенного изменения в мире. Желая утвердиться человек может создать и может разрушить, каждый утверждает тем, чем может. Вместе с тем творчеством может считаться лишь продуктивное изменение. Истинное творчество, как говорят на Востоке, не в том, чтобы зачеркивать чужую линию, но в том, чтобы рисовать свою. Но всегда ли «нарисованное для себя» может иметь значение и социальную ценность? Ведь, как говорил С. Аверинцев, иногда созидание может иметь более разрушительные последствия, чем разрушения.

Таким образом, энергия интеллекта имеет свою «изнанку», способную обнаруживаться при определенных условиях: не способный к реализации человек будет, стремясь выплеснуть эту энергию, разрушать.

Что же в этой связи представляет собою творческая личность, характеристики которой к тому же выступают конститутивными элементами процесса и продукта творчества, ибо определяют и модель мира художника, и способ ее представления? Истинный творец, соединяющий себя с миром в акте творчества не может быть разрушителем или злодеем. Творчество, как утверждал С. Цвейг, это поединок человека со своим демоном, поединок героический (грозный и любовный): демон вселяет дух беспокойства и искания, но, не будучи усмирен, толкает человека к полному растворению его души в стихии первобытного хаоса мира.

Сам человек – в его многогранности и потенциальной неисчерпаемости – есть грандиозный творческий проект, который может осуществиться при содействии интеллекта. И только единство этих двух начал, когда бунтующий и ищущий в высших сферах интеллект «привит» на устойчивую творческую основу, дает человеку возможность истинно состояться как творческому существу. Интеллект образует как бы вертикальную тягу его ввысь, однако же биосоциальная сущность человека определяет природу сферой его творчества с ее необходимостью воплощения, и напряжение двух «разномирных» стихий, двух разнонаправленных стремлений рождает мощный всплеск творческой энергии, подключенной к двум разным и равно могучим полюсам-источникам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Библия, или Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. – К.: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра; «Феникс», 2007. – 1408 с.
2. Ильин В.В. Власть и деньги. – К.: Книга, 2008. – 560 с.
3. Осипов Ю.М. Смысл и имена // Философия хозяйства. – 2011. – № 2(74). – С. 9-16.
4. Ренессанс философии хозяйства / Под. Ред. Ю.М.Осипова, Е.С.Зотовой. – М.: ТЕИС, 2011. – 74 с.

Іванов О. О. – аспірант 1-го курсу кафедри філософії та соціології Державного закладу «Південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського».

БІОТЕХНОЛОГІЯ ЯК ЗАСІБ ОСМИСЛЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО В КОНТЕКСТІ ФІЛОСОФІЇ ЗДОРОВ'Я

Сьогодні можна констатувати посилення впливу біології та суміжних з нею наук на суспільне життя. Актуалізуються питання, породжені стрімким розвитком та зростанням популярності біотехнологій. Міждисциплінарний потенціал біотехнології викликає резонанс у сфері як наукових, так і практичних проблем.

З-поміж інших, біологічні науки здобули в наш час неабияку популярність. Це зрозуміло, адже людство стоїть на порозі так званої біотехнологічної революції. Так, у 2004 році ринок біотехнологічної продукції складав 40 мільярдів доларів, а до 2010 року цей об'єм виріс до 2 трильйонів доларів [3]. На біотехнологію покладаються великі надії, можливо, і перебільшені. Проте, без сумніву, дана наука може допомогти людству вирішити різноманітні проблеми, такі як запобігання генетичним хворобам, отримання економічно цінних продуктів із відходів людського господарства, біоремедіація екологічно забруднених територій. Але з біотехнологією також пов'язано і багато застережень.

Ця наука поглинула в себе арсенал генно-інженерних методів маніпулювання спадковим матеріалом живих організмів. А так як і людське тіло також є живим організмом, то біотехнологія відкриває горизонти і для людської інженерії. Надзвичайної актуальності в таких умовах набувають питання трансгуманізму. Більше того, біотехнологія разом із фундаментальним розумінням принципів роботи людського мозку може створити нові перспективи для розвитку соціальної інженерії, від якої, у вигляді наукового расизму, та евгенічних учень відмовились західні країни ще в середині двадцятого століття. І, хоча до практичної реалізації біотехнологічних проектів над людьми потрібно вирішити багато проблем як прикладного так і філософського характеру, постає безліч актуальних питань, серед яких – як зміниться соціальна, політична, економічна та інші сфери життя суспільства за умови широкомасштабного використання генної інженерії людини?

Розвиток біотехнології формує нову реальність – біотехносферу, де живе лишається біологічним, але вже не природним. Таким чином, це створює основу для розвитку нової культури взаємовідносин природи та техніки, а отже людини і природи. Біотехнологія може стати саме тим знаряддям, завдяки якому наукова думка В. І. Вернадського набуватиме планетарного розмаху. Які зміни відбудуться у зв'язку з цим в ціннісно-смысловому універсумі людини і чи не втратить вона своєї внутрішньої суті? Чи не стане це початком кінця людської історії?

У контексті вищесказаного видно, що і здоров'я людини тісно пов'язане зі значним розвитком біотехнологій, а отже і біоетичної науки. У цьому ракурсі феномен біотехнології поляризується на біотехнологію для лікування хвороб та біотехнологію для покращення якостей людини. Безсумнівно, проблема людського здоров'я у площині суспільної свідомості ставить здобутки новітніх технологій у статус потенційної панацеї від багатьох страждань, стаючи вагомою підтримкою для політичних, економічних та соціальних сил, зацікавлених у проведенні аморальних досліджень та форсуванні впровадження біотехнологічних здобутків у життя. З огляду на вищесказане, надзвичайно важливим є проведення лінії розділу між біотехнологією, покликаною допомогти людині та біотехнологією, покликаною людину трансформувати.

Як писав М. Бердяєв, «Потрібно не заперечувати наукові відкриття техніки, а духовно оволодіти ними» [2]. Так, біотехнологія, ставить людину в умови необхідності духовної активності для трансформації людської ціннісно-смыслові парадигми у співзвучності із внутрішньо-персоналістичним та зовнішнім соціокультурним буттям людини.

У контексті вищесказаного прояснюються обриси духовних запитів сьогодення. Для етичної оцінки сучасних подій треба, враховуючи багаторівневість свідомості, підняти «на кілька сходинок вище», охопивши конкретну ситуацію на рівні врахування загальнолюдського досвіду. На нашу думку, досить актуальною є концепція «третьої правди» С. Кримського [1]. За умови наявності вагомих аргументів з боку людського здоров'я на користь біотехнологій та не менш вагомих проти них з боку біоетики, необхідно шукати свій ціннісний вимір на вертикалі духовного задля холистичної оцінки багатогранності людського буття і в тому числі соціального.

Стрімкий розвиток біотехнологій актуалізує проблему свободи у трикутнику здоров'я-соціум-біотехнологія. Більше того, проблема свободи постає в різних формах по обидва боки демаркаційної